

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы [Тихомирова], архиепископа Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1851 гг.) Годы: 1848–1849] // Богословский вестник 1898. Т. 1. № 1. С. 391–406 (4-я пагин.). (Продолжение.)

— 391 —

Въ отвѣтъ на это писалъ мнѣ изъ Мурома шуринъ С. В. 1848 г. Царевскій отъ 16-го числа:

„Всякая новость, пріятно или непріятно, смотря по свойству, поражаетъ насъ. Тѣмъ болѣе должна была тронуть насъ та, о которой вы извѣщаете,—какъ рѣдко случаемаяся, какъ священная въ существѣ своемъ и какъ имѣющая отношеніе къ намъ. И дѣйствительно, прочитавъ письмо ваше, мы въ сердцахъ ощутили невыразимо-умилительныя чувства. Что же сказать о васъ! Какими чувствованіями исполнялось ваше сердце въ то время, когда вы произносили предъ Богомъ обѣты, при вступленіи въ новую жизнь! Нужно каждому самому испытать, чтобы правильно узнать и безошибочно судить объ этомъ.

Не думайте, что извѣстіе ваше о себѣ, кому-либо изъ насъ непріятно. Самъ Богъ опредѣлялъ и опредѣлилъ васъ въ состояніе иноческое,—кто же безумный будетъ гнѣваться на Бога! Къ тому же—ужели ваши отношенія къ намъ переменятся въ новой вашей жизни? Законъ Христовъ о любви къ ближнимъ предписанъ какъ для мірянъ, такъ и для иночествующихъ, даже, можно сказать, послѣдніе поставлены первыми блюстителями онаго. Значить, любовь и отношенія ваши къ намъ и теперь будутъ таковы же, каковы были и прежде, отречение отъ міра, произнесенное вами при вступленіи въ иноческій санъ, конечно, не воспрепятствуетъ оказывать любовь къ человѣку—существу, любимому Самимъ Богомъ. Чего же болѣе любви и, основанныхъ на ней, дѣйствій, желать намъ отъ васъ, и что можетъ быть причиною къ огорченію кому-либо изъ насъ за то, что вы приняли иноческій санъ! Мы даже радуемся, что Господь поставилъ васъ на тотъ путь, по которому скорѣе можно достигнуть послѣдней, возжелѣнной для всѣхъ существъ разумныхъ, цѣли—неба.

Да укрѣпитъ васъ Господь Богъ на этомъ пути Своею благодатію!“

5-го октября дано было намъ 7-мъ латинскихъ темъ для сочиненія по классу Догматическаго богословія.

Вотъ эти темы:

- 1) De religionis necessitate.
- 2) De necessitate extraordinariae, scilicet, supernaturalis revelationis.

1848 г.

- 3) *Mysteria in religione revelata sunt necessaria.*
- 4) *Num sola sacra Scriptura pro Theologiae principio haberi debet?*
- 5) *De perspicuitate s. Scripturae.*
- 6) *Quaenam est relatio inter s. Scripturam et sacram Traditionem?*
- 7) *De auctoritate s. Ecclesiae in praeceptis divinae revelationis explicandis.*

Изъ этихъ темъ мною избрана была 5-я и сочиненіе написано было на латинскомъ языкѣ. Сочиненіе это, написанное на четырехъ почти листахъ, читано было, по порученію ректора, профессоромъ церковнаго краснорѣчія, И. П. Аничковымъ-Платоновымъ, и заслужило отъ него слѣдующій отзывъ: „*Sensus clarus, quamvis non profundus et sagax; consideratio objecti tractandi non nimis lata; stylus accuratus et grammaticae Latinae plerumque conformis.*—*Bene*“.

27-го числа получилъ я письмо изъ села Васильевскаго отъ земляка, С. Г. Вишнякова. Онъ писалъ:

„Со слезами сладкой грусти, въ кругу семейства прочитали мы письмо ваше, которымъ извѣщаете вы меня о перемѣнѣ въ своей жизни. Да поможетъ вамъ Господь молитвами прр. Павла и Антонія — отцевъ иночествующей братіи, и предстательствомъ нашего покровителя преп. Сергія, понести тотъ крестъ, который вы, по указанію Провидѣнія, наложили на себя,—вотъ мое единственное, душевное желаніе! Да и чего еще пожелать вамъ? Мірскія желанія при отреченіи отъ міра неумѣстны, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстны ваши чувство и расположеніе, съ какими вы обрекали себя на подвигъ и жизнь иноческіе! Все прочее приложится само собою, по слову Того, Кто Единъ можетъ прилагать!“

2 го ноября писалъ я въ Муромъ тещѣ, П. С. Царевской:

„Радуюсь, что вѣсть о послѣдовавшей со мною перемѣнѣ, хотя и тронула васъ, но не произвела, однако-жь, непріятнаго впечатлѣнія. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть непріятнаго въ настоящемъ моемъ положеніи, если только будемъ разсматривать его надлежащимъ образомъ? Жизнь инока, разумѣется, правильная,— жизнь са-

мая мирная и спокойная; въ особености жизнь ученаго 1848 г монаха. Правда, по самому назначенію своему, ему нельзя совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ мірскихъ связей: по въ то же время его занятія, если только онъ полюбитъ ихъ всей душой, могутъ служить твердою защитой отъ многихъ вѣвшихъ искушеній. Впрочемъ, что ожидаетъ меня впереди, это извѣстно Единому Всевѣдущему.

Въ дополненіе къ сказанному въ предъидущемъ письмѣ не лишнимъ почитаю сообщить вамъ то, что при введеніи меня въ новое званіе о. ректоръ почтилъ меня краткою, но назидательною рѣчью, которую онъ даже и отпечаталъ. Изъ десяти экземпляровъ этой рѣчи, подаренныхъ мнѣ о. ректоромъ, одинъ посылаю вамъ на память. А высокопреосвященный митрополитъ прислалъ мнѣ, чрезъ о. ректора, въ благословеніе парамандъ и рясу.

Не смотря на перемѣну званія, мои отношенія къ вамъ въ сущности пребудутъ неизмѣнны, лишь бы Господь подкрѣпилъ мои силы для благополучнаго окончанія многотруднаго академическаго поприща.

Съ сыновнею къ вамъ любовію и почтеніемъ остаюсь "...

22-го числа дано было намъ 7 темъ для сочиненія по классу Церковной исторіи; темы эти слѣдующія:

- 1) Посѣщеніе Иисусомъ Христомъ Іерусалима въ праздникъ Кущей (Іоан. VII и сл.).
- 2) О фарисеяхъ въ отношеніи къ Иисусу Христу.
- 3) О благовѣствовательныхъ путешествіяхъ І. Христа.
- 4) Отношеніе Филонова ученія о Словѣ къ христіанскому.
- 5) О Евангеліи, приписываемомъ Іакову.
- 6) Плиніево письмо къ Траяну о христіанахъ и отвѣтъ Траяна.
- 7) 1 Кор. XV, 10.

Я написалъ сочиненіе на 2-ю тему: „О фарисеяхъ въ отношеніи къ І. Христу“. Профессоръ А. В. Горскій, читавшій мое сочиненіе, высказалъ о немъ такой отзывъ: „легко, ясно, обработанно“. Но при этомъ замѣтилъ мнѣ, что не нужно слишкомъ увлекаться посторонними авторитетами и что тексты Св. Писанія надобно приводить по славянски.

Послѣ частныхъ экзаменовъ предъ праздникомъ Р. Хр.

1848 г. даны были намъ для экспромптовъ двѣ слѣдующія темы: 1) *Quinam est sensus verborum Christi: Ego sum via, et veritas, et vita; nemo venit ad Patrem nisi per Me* (Joh. XIV, 6; conf. VI, 44). 2) Одно-ли и тоже заключается въ понятіи о совѣсти и внутреннемъ (нравственномъ) законѣ?

30-го декабря писалъ я въ Горицы о. Василию Саповскому:

„Чѣмъ неожиданнѣе гость, тѣмъ онъ пріятнѣе: равно чѣмъ неожиданнѣе письмо, тѣмъ оно интереснѣе. Не правда-ли? Послѣ столь долгаго молчанія съ моей стороны, конечно, вы уже считаете нашу взаимную переписку совершенно рѣшенною, и неудивительно, если я начинаю казаться предъ вами человѣкомъ неблагороднымъ, надменнымъ и пр. и пр. Въ оправданіе моего молчанія могъ-бы я представить вамъ множество причинъ—и дѣльныхъ и недѣльныхъ: но знаю, что это ни къ чему не ведетъ. Поэтому за лучшее почитаю прямо приступить къ дѣлу. Не очень давно узналъ я, что епархіальное начальство обратило, наконецъ, на васъ должное вниманіе, возложивъ на васъ новую должность. Душевно радуюсь и привѣтствую васъ съ симъ знакомъ архипастырскаго вниманія. Правда, сколь ни знакома вамъ благочинническая должность, но при настоящихъ вашихъ лѣтахъ, она должна составить для васъ не малое бремя. Впрочемъ, Господь, избравшій васъ на сіе служеніе, конечно, не оставитъ безъ Своего благодатнаго покровительства; а при Божіей помощи, всякое бремя легко и удобоносимо.

Вотъ и я, наконецъ, по милости Божіей, сподобился принять на себя благое иго Христово. Безъ сомнѣнія, вы слышали уже о вступленіи моемъ въ новое званіе, и, конечно, знаете мое новое имя. Слѣдовательно нѣтъ нужды подробно описывать вамъ всѣ обстоятельства моего вступленія въ иноческую жизнь. Скажу только, что, при помощи Божіей, начинаю мало по малу привыкать къ новому моему положенію. Впрочемъ, надобно согласиться, что переходъ изъ мірской жизни въ монашескую, при настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, менѣе для меня ощутителенъ, нежели какъ это было-бы, думаю, въ другомъ мѣстѣ—внѣ академіи. Что былъ я прежде, въ теченіе двухъ лѣтъ, тоже самое почти и теперь: тѣ-же занятія, то-же общество. тотъ-

же образъ жизни, тѣ-же отношенія къ начальству и товарищамъ; новое только имя и нѣчто въ одеждѣ. Конечно, съ поступленіемъ, если Богъ дастъ, на должность надобно ожидать не малыхъ искушеній и преткновеній на пути иноческой жизни: но будущее извѣстно Единому Богу....

Радъ-бы я побесѣдовать съ вами и объ ученыхъ предметахъ: но бесѣдовать пространно не позволяетъ время; поэтому не взыщите, если на сей разъ ограничусь только краткимъ перечнемъ предметовъ, кои преподаются у насъ на старшемъ курсѣ.

Первый и главный предметъ—Догматическое богословіе; его читаетъ о. ректоръ. Затѣмъ Правственное богословіе, свящ. Писаніе, Церковно-Библейская исторія, Патристика, Церковная археологія, Церковное краснорѣчіе, и вновь открытая кафедра по классу св. Герменевтики и Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ.

Изъ теперешнихъ наставниковъ преимущественнымъ авторитетомъ пользуется орд. пр. Ц. исторіи Ал. В. Горскій, сынъ Костромск. протоіерея Горскаго. Но главнымъ занятіемъ у насъ всегда было и есть сочиненіе.

Теперь занимаюсь сочиненіемъ по классу Ц. исторіи; взялся писать „объ отношеніяхъ фарисеевъ къ І. Христу“.

Между тѣмъ на старшемъ курсѣ назначаютъ и проповѣди. Мнѣ довелось говорить первому и первую проповѣдь на Рождество Пресв. Богородицы, сугубо родной праздникъ и по Горицамъ и по Мурому;—вторая назначена на 4-ю недѣлю в. поста. Чѣмъ ближе богословскіе предметы къ сердцу и къ моему званію: тѣмъ больше требуютъ труда и усилія. Но вдали ожидаетъ еще большій трудъ: я разумѣю, такъ называемое, курсовое сочиненіе, которое въ академіи дается обыкновенно на годъ, и составляетъ послѣдній рѣшительный трудъ, по которому главнымъ образомъ рѣшается судьба каждаго студента. Прошу вашего молитв. содѣйствія для благополучнаго совершенія многотруднаго академическаго поприща.“

Новый годъ встрѣтилъ я, въ новомъ своемъ званіи, въ лаврѣ, среди монашествующей братіи, которая съ того времени, какъ я облекся монашествомъ, стала ко мнѣ ласковѣе и внимательнѣе, и я началъ чувствовать себя въ отношеніи къ оной свободнѣе.

1849 г.

14-го числа писалъ я въ Ставрополь на Кавказѣ веселому сообитателю своему и пріятному собесѣднику, о. Моисею (Рыбальскому), поступившему туда на семинарскую службу:

„Радуюсь о вашемъ благополучномъ, хотя и позднемъ, прибытіи въ благословенный Ставрополь, привѣтствую васъ съ вступленіемъ въ новую должность, поздравляю наконецъ съ новымъ годомъ. Да благословить Господь счастливымъ успѣхомъ ваше новоначальное дѣланіе въ вертоградѣ духовномъ!

Можетъ быть, вы ожидали отъ меня письма ранѣе: но я, помня ваше обѣщаніе — извѣстить меня о вашемъ пріѣздѣ, до сихъ поръ медлилъ открыть условленную между нами переписку. Теперь же, слыша о вашемъ прибытіи и не получая отъ васъ самихъ обѣщаннаго извѣстія, нѣкоторымъ образомъ почитаю себя обязаннымъ приступить къ исполненію взаимнаго нашего обѣщанія.

Послѣ вашего отбытія, въ нашей кельѣ водворилась глубокая и мрачная тишина. Сколь ни благопріятна тишина для ученыхъ занятій, тѣмъ не менѣе однакожь заставляеть меня часто вспоминать о вашихъ живыхъ и откровенныхъ бесѣдахъ. Тишина для ученыхъ нужна; — хорошо; но въ свое время и въ извѣстной мѣрѣ: а послѣ обѣда напр. и послѣ ужина почему не пошумѣть и не повеселиться?

Правда, я и самъ не изъ числа рѣзвыхъ: но все-таки подъ часъ люблю повеселиться, и поговорить откровенно, разумѣется, не далѣе своей кельи.

Вотъ развѣ не замѣнить-ли для меня сколько нибудь васъ въ этомъ отношеніи новый собратъ, который, вѣроятно, скоро уже прибудеть. Это монахъ (простой монахъ) съ Аѳонской горы. О его происхожденіи и націи пока еще ничего не знаю; извѣстно только, что онъ нынѣ окончилъ курсъ въ Кишиневской семинаріи и изъявилъ желаніе поступить въ нашу академію. Св. Синодъ уважилъ его просьбу съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи курса, подобно вамъ, возвратиться восвосяи. Имя его, кажется, Пароеній.

Не забываетъ о васъ и наше доброе начальство. Во время праздника случилось мнѣ провести цѣлый вечеръ у о. инспектора; между многими и различными разговорами была рѣчь и о васъ: — разумѣется, съ хорошей стороны.

По возвращеніи изъ Москвы, о. ректоръ спрашивалъ

меня, пишете-ли вы къ намъ (о. ректоръ спросилъ меня 1849 г. еще о томъ, назначенъ ли кто въ вашу семинарію ректоромъ).

Баккалавры и лаврскіе монахи также очень часто предлагаютъ подобные вопросы относительно васъ.

Въ академіи и лаврѣ, слава Богу, все благополучно. Новостей особенныхъ никакихъ нѣтъ, — до крайней мѣрѣ, я не слыхалъ. Вы знаете, что я не слишкомъ въ короткихъ отношеніяхъ ни съ лаврскими, ни съ своими.... За новость развѣ сообщить вамъ то, что Господь привелъ мнѣ среди праздника отпривить полную службу въ Троицкомъ соборѣ^а.

О. діаконъ Ѳ. С. Виноградовъ, между прочимъ, извѣщаль меня объ опасной болѣзни своего тестя, а моего зятя, дьячка той же церкви В. А. Левашева и, считая эту болѣзнь слѣдствіемъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, просилъ меня отъ имени всѣхъ родныхъ, сдѣлать ему братское вразумленіе. Вслѣдствіе сего я писалъ своему зятю отъ 29-го января:

„Братская любовь и опасеніе за вашу временную и вѣчную судьбу внушаютъ мнѣ священный долгъ предложить вамъ нѣсколько совѣтовъ и предостереженій.

Не очень давно былъ у меня одинъ богомолецъ изъ вашихъ краевъ — человекъ, очень хорошо васъ знающій и къ вамъ довольно близкій. Съ живымъ участіемъ рассказывалъ онъ мнѣ о случившихся съ вами неоднократно болѣзненныхъ припадкахъ, угрожавшихъ будто-бы не разъ совершенною даже опасностію жизни. Между прочимъ коснулся онъ и главной, по крайней мѣрѣ, видимой причины этихъ припадковъ. Нужно-ли говорить вамъ, что это за причина? Но и безъ объясненія, думаю, понятно, о чемъ идетъ дѣло. Признаюсь вамъ откровенно: не столько сожалѣю о томъ, что постигаютъ васъ болѣзни (это общій удѣлъ всѣхъ смертныхъ), сколько о томъ, что главною причиною этихъ болѣзней — вы сами, ваше излишнее, не умѣренное употребленіе хмѣльныхъ напитковъ. Согласитесь сами, все-ли равно — терпѣть болѣзни и вообще какія-бы то ни было бѣдствія по волѣ Божіей, или по собственному неразумному произволу?

Итакъ, всмотритесь ближе въ свое положеніе; размыслите

1849 г. поприлежнѣе о томъ, каково ваше настоящее, и что ожидаетъ васъ въ будущемъ. Посмотрите, какую жалкую картину представляетъ человѣкъ, предавшійся гибельной страсти къ вину! Онъ произвольно унижаетъ въ себѣ достоинство человѣческой природы, самъ себя лишаетъ тѣлеснаго здоровья; теряетъ всякое право на уваженіе отъ другихъ, возбуждаетъ невольный гнѣвъ въ начальникахъ, въ самомъ основаніи потрясаетъ семейное благосостояніе: жена скорбитъ, дѣти сокрушаются, родные оставляютъ. Но всѣ эти бѣдствія еще ничего не значатъ въ сравненіе съ тѣми, какія ожидаютъ его тамъ — за предѣлами гроба. Съ какимъ чувствомъ предстанетъ онъ предъ престоломъ праведнаго и нелицепріятнаго Судіи? Что скажетъ въ оправданіе своей неразумной страсти? Въ чемъ найдетъ онъ тогда утѣшеніе и отраду?.. Ахъ! пока еще есть время, пока етей жизни не совсѣмъ еще угасъ въ вашемъ тѣлѣ, прошу и умоляю васъ именемъ братской любви, если не совсѣмъ подавить въ себѣ эту постыдную страсть къ вину (вдругъ сдѣлать этого и не возможно), по крайней мѣрѣ, при помощи Божіей, начать подвигъ борьбы съ нею, рѣшиться мало-помалу противодѣйствовать ей. И нѣтъ болѣе приличнаго и удобнаго времени начать это святое дѣло, какъ нынѣ, въ настоящіе дни св. четырехдесятницы. Безъ сомнѣнія, для этого нужно, прежде всего, очистить душу искреннимъ поканіемъ, искреннимъ сознаниемъ своей слабости, а потомъ уже изъявить предъ отцомъ духовнымъ твердую рѣшимость удалиться, по возможности, всякихъ поводовъ къ удовлетворенію одержавшей васъ страсти. И будьте увѣрены, что какъ скоро вы искренно выразите свою рѣшимость удалиться зла, съ тѣмъ вмѣстѣ не умедлитъ явиться къ вамъ на помощь и спасительная благодать Божія. Ибо милосердый и человѣколюбивый Господь вину стоитъ при дверехъ сердца каждаго грѣшника и толцетъ, и, аще грѣшникъ отверзаетъ двери сердца своего, внидетъ къ нему и вечеряетъ съ нимъ. А гдѣ Господь, тамъ утихаютъ и умолкаютъ всѣ бури страстей.

Весьма много порадовали-бы вы меня, еслибы вняли сколько-нибудь моимъ искреннимъ внушеніямъ. По крайней мѣрѣ прошу не гнѣваться на меня за эти, можетъ быть, не совсѣмъ пріятныя внушенія, потому что онѣ проистекли

отъ сердца, истинно любящаго васъ и желающаго вамъ всякаго добра. Братъ вашъ іеромонахъ Савва. 1849 г.

Любезнѣйшая сестрица! Прошу и васъ не обижаться моими откровенными и чистосердечными совѣтами брату“.

7-го феврала, въ 12 ч. дня посѣтилъ насъ въ классѣ католическій епископъ, Боровскій, проѣзжавшій въ Житомиръ. Человѣкъ — лѣтъ около 50-ти, довольно высокаго роста, бѣлокурый; по обычаю западной церкви, съ остриженными волосами на головѣ и съ бритою бородою; одѣтъ въ длинный фіолетовый кафтанъ, съ застегнутыми сверху до низу пуговицами: на головѣ такого же цвѣта скуфья. На шеѣ золотой крестъ на такой же цѣпочкѣ—принадлежность сана.

Когда онъ узналъ, что лекція на этотъ разъ была объ Оригенѣ (по классу Патристики), сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній касательно сочиненій этого знаменитаго учителя церкви. Въ заключеніе, обратясь къ намъ, сказалъ: „Богъ да поможетъ вамъ изучить вѣру Христову!“

Почтенный прелатъ былъ профессоромъ каноническаго права въ Петербургской римско-католической академіи.

7-го февраля, писалъ мнѣ изъ Владиміра профессоръ семинаріи Ѡ. Г. Бѣляевъ:

„Крайне совѣстно мнѣ вторично беспокоить васъ своими порученіями: но распаленное желаніе перемѣщенія въ Москву вынуждаетъ меня преступить эту крайность и просить васъ покорнѣйше о нижеслѣдующемъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ, во время святокъ, сказывали мнѣ, что Правленіе академіи вашей и нашей положили своимъ мнѣніемъ предоставить мнѣ первое открывшееся мѣсто при Московской или Виеанской семинаріи.

Потрудитесь пожалуйста узнать, выражено на бумагѣ мнѣніе это или нѣтъ. Если выражено на бумагѣ, то не послано-ли въ учебное Управленіе въ видѣ отвѣта на пересланное оттуда для разсмотрѣнія мое прошеніе о перемѣщеніи меня въ Московскую семинарію.

Прошу васъ покорнѣйше, не поставьте себѣ въ огромный трудъ выполнить мои порученія и увѣдомить меня при первой возможности“.

На это отвѣчалъ я отъ 22 го числа.

11-го ч. писалъ я въ Иваново единоувѣрческому священ-

1849 г. пику, о. Козьмѣ Орлову, въ отвѣтъ на его письмо отъ 29-го января:

„Приношу вамъ усерднѣйшую мою благодарность за ваше привѣтствіе, за ваше доброе участіе въ моей судьбѣ и, наконецъ, за ваши благія пожеланія счастливыхъ успѣховъ на новомъ моемъ поприщѣ. Чѣмъ отозваться мнѣ на вашу искренній, дружественный гласъ? Изъявленіемъ моего искренняго къ вамъ уваженія? Но оно давно должно быть вамъ извѣстно: съ раннихъ лѣтъ моей юности привыкъ я смотрѣть на васъ съ особеннымъ уваженіемъ. Ваши добрыя пастырскія качества и всегдашняя ко мнѣ благосклонность однажды навсегда расположили меня въ вашу пользу. Напрасно изъявляете вы опасеніе за неизмѣнность моего къ вамъ расположенія. Ужели вы думаете, что съ перемѣною внѣшнихъ обстоятельствъ, должны измѣниться во мнѣ взгляды на прежнія наши отношенія? Ужели высшая степень умственнаго образованія и какое бы то ни было положеніе въ обществѣ могутъ подавить во мнѣ способность по прежнему цѣнить и уважать добрыя ваши качества? Да и какъ вамъ представляется мое настоящее положеніе? Ужели вы думаете, что теперь я сталъ уже не тотъ, что былъ и прежде? Признаюсь вамъ откровенно, чѣмъ болѣе знакомясь съ науками, тѣмъ ничтожнѣе представляются прибрѣтенные плоды; чѣмъ выше прежняго предстоитъ степень служенія, тѣмъ болѣе чувствуешь собственную немощь и слабость. Чѣмъ же послѣ сего сталъ бы я гордиться предъ вами?

Итакъ, будьте увѣрены въ моемъ неизмѣнномъ къ вамъ расположеніи и почтеніи. Но чѣмъ свидѣтельствовать предъ вами мою любовь и усердіе? Ни чѣмъ инымъ, думаю, какъ молитвеннымъ воспоминаніемъ, которое, впрочемъ, до сихъ поръ я не преставалъ творить о васъ; о чемъ усердно съ своей стороны прошу и васъ“.

Того же числа писалъ я С. В. Царевскому въ отвѣтъ на его письмо:

„Что сказать вамъ, любезный Сергій Васильевичъ, на ваши запросы?— Конечно, ваше положеніе теперь таково, что надобно такъ или иначе окончателно рѣшать свою судьбу; медлить долго нечего. Если у васъ нѣтъ рѣшительной склонности снова вступить на поприще науки, то надобно избирать уже другой какой нибудь путь. Говорите,

что у васъ въ виду не мало и священническихъ мѣстъ и свѣтскихъ: тѣмъ лучше. Но вы затрудняетесь въ выборѣ, и — неудивительно: однажды на всегда рѣшить судьбу цѣлой жизни — дѣло очень не маловажное. Впрочемъ, ваше затрудненіе, какъ видно, касается не столько самой сущности дѣла, сколько внѣшнихъ, болѣе или менѣе, случайныхъ, обстоятельствъ. Нѣтъ, другъ мой, при избраніи образа жизни, не смотря на современное положительное направленіе, надобно руководствоваться не мелкими житейскими разсчетами, но яснымъ сознаніемъ своихъ способностей и склонностей. Что значитъ самая выгодная должность, если она не отвѣчаетъ нашимъ природнымъ (разумію, правильнымъ) склонностямъ? Тяжкое бремя, не болѣе. Можно ли заслужить любовь и расположеніе самаго добраго и благонамѣреннаго начальника, когда мы, при всемъ усердіи быть полезными, оказываемся неспособными къ тому дѣлу, исполненіе котораго добровольно приняли на себя?—И по рожденію, и по воспитанію, для васъ всего естественнѣе, казалось бы, быть служителемъ олтаря: но замѣчаете ли вы въ себѣ довольно расположенія и любви къ этому священному званію и имѣете ли довольно рѣшимости переносить всѣ труды и искушенія, неизбѣжныя на поприщѣ высокаго священническаго служенія? Если бы, вы вздумали при этомъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ большая часть: слишкомъ много погрѣшили бы. Легкомысліе не уместно тамъ, гдѣ идетъ дѣло о вѣчной судьбѣ нѣсколькихъ сотъ душъ.

Отнюдь не предосудительна для васъ и свѣтская служба. Но и здѣсь опять нужно спросить: достанетъ ли у васъ настолько терпѣнія и охоты, чтобъ исполнять, особенно въ началѣ поприща, всѣ мелкія, а иногда и прихотливыя, порученія начальника, можетъ быть, далеко не отвѣчающія вашимъ способностямъ и характеру? Что касается въ частности до упомянутаго вами мѣста: на это я долженъ дать вамъ почти отрицательный отвѣтъ. Если гдѣ, то именно тутъ требуется отъ писмоводителя каллиграфія: дѣла стряпческія ежемѣсячно идутъ прямо къ царю. Ив. Мих. Троспольскій, я знаю, терпѣлъ не мало неприятностей именно по причинѣ недостатка въ искусствѣ чистописанія. А вашъ почеркъ, какъ видится изъ дѣла, едва ли превосходитъ его почерка. Слѣдовательно...

1849 г. Что изъ всего сказаннаго слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что рѣшительнаго совѣта относительно вашей будущей судьбы дать я не могу. Совѣтуйтесь всего болѣе сами съ собою: теперь вы сами уже можете здраво разсуждать. Если же для васъ и нуженъ посторонній совѣтъ: то воля мамельки должна быть для васъ выше и священнѣе всѣхъ постороннихъ совѣтовъ“.

11-го же ч. писалъ я въ Иваново племяннику, едино-вѣрческому діакону Ѳ. С. Виноградову, въ отвѣтъ на его письмо, при коемъ приложено было 10 р. сер.:

„Съ сердечною признательностію принимаю ваше одолженіе. Не отрекаюсь съ такою же признательностію воспользоваться вызовомъ родныхъ помочь въ нуждѣ и на будущее время. Времени впереди еще не мало, а прямыхъ источниковъ для доходовъ у меня не предвидится пока никакихъ.

Вотъ, подумаешь невольно, какъ перемѣнчива наша жизнь! Послѣ прежняго, если не изобилія, то по крайней мѣрѣ, довольства, можно ли было ожидать такого оскудѣнія и бѣдности!

Впрочемъ, не испытавши нужды, не въ состояніи будешь цѣнить и изобилія. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни надобно только стараться видѣть десницу премудраго Провидѣнія: и тогда всякое лишеніе получить въ нашихъ глазахъ совсѣмъ иное значеніе. Оставаясь въ Муромѣ, конечно, не испытываль-бы я подобнаго настоящему лишенія: но, лишившись самаго лучшаго на землѣ живаго сокровища, что значило бы для меня обильное, но бездушное золото или серебро? Не усугубило-ли бы оно болѣе мою душевную скорбь и страданіе? И не угрожало-ли бы гораздо большею опасностію, нежели самая великая бѣдность? А теперь, при настоящемъ моемъ положеніи, если довелось мнѣ потерпѣть нѣкоторый недостатокъ: за то опъ вознаграждается многими другими важнѣйшими выгодами, сравнительно съ прежнею мірскою жизнью. При этомъ недостатокъ этотъ кажется отнюдь не удовлетвореніе существенныхъ нуждъ, а только второстепенныхъ, болѣе или менѣе произвольныхъ. Тѣмъ не менѣе однакожь ваше одолженіе во всякомъ случаѣ имѣеть для меня полную обязательность“.

18-го числа писалъ я въ Хотимль о. Іоанну Успенскому въ

отвѣтъ на его письмо, отъ 7-го числа, въ коемъ онъ, между прочимъ, извѣщалъ меня о своей тяжелой и продолжительной болѣзни: 1849 1

„Сердечное состраданіе возбудила во мнѣ печальная повѣсть о вашей жестокой и продолжительной болѣзни. Если я не могу вполнѣ представить вашего скорбнаго положенія во время столь продолжительной болѣзни, потому что, благодаря Бога, не испытывалъ самъ такого рода болѣзней: за то слишкомъ хорошо понимаю грустное состояніе сестрицы, которое она должна была испытывать, смотря на ваше болѣзненное страданіе: я самъ нѣкогда испытывалъ всю горечь подобнаго состоянія. Но благодареніе Господу, что Онъ, посѣщая насъ бѣдствіями и скорбями, не до конца гнѣвается на насъ, но яко чадолюбивый отецъ, паки обращаетъ къ намъ свѣтлое лице Свое.

Душевно радуюсь сколько за васъ, столько-же и за сестрицу, о возстановленіи вашего разстроенаго здоровья. Вмѣстѣ съ тѣмъ надѣюсь, что посѣтившая васъ болѣзнь послужитъ для васъ назидательнымъ урокомъ на будущее время. Думаю, что впредь вы болѣе будете дорожить своимъ здоровьемъ; не станете расточать его понапрасну, предаваясь по прежнему излишнимъ заботамъ и предпринимая снова непосильные труды. Нѣтъ, любезнѣйшій, если не для себя, то для семейства надобно хранить свое здоровье. А почему-же не хранить его и для себя? Не оно-ли есть первое условіе всякаго земнаго благополучія?—Тяжкій опытъ, конечно, достаточно вразумилъ васъ, что безъ здоровья ничего не значать ни богатство, ни честь. *Лучше мнѣ здравъ и крѣпокъ въ силѣ своей, нежели богатъ ураненъ тѣломъ своимъ*, говоритъ мудрый сынъ Сираховъ: *здравіе и крѣпость лучше есть всякаго злата, и тѣло здоровое, нежели богатство безчисленное.*—Особенно теперь, когда и крѣпкія силы легко могутъ изнемочь подъ тяжкимъ бременемъ подвиговъ и трудовъ священническаго служенія, вамъ нужно позаботиться о подкрѣпленіи своего здоровья. Нельзя, конечно, безъ крайней нужды, оставлять исполненія обязанностей своего званія, въ особенности при настоящихъ церковныхъ вашихъ обстоятельствахъ: за то можно, кажется, безъ большаго ущерба, отложить на время всѣ житейскія заботы и попеченія, чтобы доставить себѣ, по

1849 г. возможности, больше покоя и отдохновенія. Да не оскорбятъ васъ такіе, можетъ быть, не совсѣмъ пріятныя совѣты! Но вѣрьте, что они пріистекаютъ отъ сердца, васъ искренно любящаго и принимающаго живое участіе во всѣхъ вашихъ радостяхъ и горестяхъ!

Сколько непріятное впечатлѣніе произвело на меня послѣднее письмо ваше, столько-же, напротивъ, радостное и пріятное чувство возбудило во мнѣ ваше извѣстіе о судьбѣ Елизаветы Петровны,—извѣстіе, сообщенное въ предъидущемъ письмѣ, которое имѣлъ я удовольствіе получить 29-го декабря минувшаго года, и за которое до сихъ поръ—извините, не собрался васъ поблагодарить. Услышавъ объ устройствѣ судьбы сестрицы, я такъ обрадовался, что какъ будто-бы шло дѣло о моей собственной участи: такъ близко къ моему сердцу все, касающееся до моихъ родныхъ!—По видимому, судьба Елизаветы Петровны устроена, какъ нельзя лучше; и дай Богъ, чтобы ея счастье продлилось на долго, на долго.... Когда они будутъ у васъ, или вамъ случится быть у нихъ: прошу поздравить ихъ отъ меня съ законнымъ бракомъ, хотя это уже не много и поздно,—и пожелать всего добраго, наиначе-же супружескаго единодушія. А если Богъ приведетъ мнѣ быть когда-нибудь въ вашихъ краяхъ, то постараюсь и лично засвидѣтельствовать Сергію Ивановичу и сестрицѣ мое усердное почтеніе.

Что до меня,—я, слава Богу, здоровъ и благополученъ.

При постриженіи моемъ, совершитель—свящ. обряда—о. ректоръ почтилъ меня краткою, но назидательною рѣчью. Рѣчь эту онъ даже отпечаталъ и нѣсколько экземпляровъ подарилъ мнѣ, разумѣется, для раздачи роднымъ. Изъ числа сихъ экземпляровъ одинъ посылаю вамъ въ знакъ памяти.

Прошу принять этотъ незначительный даръ, какъ голосъ моего неизмѣннаго къ вамъ расположенія.

Съ братскою къ вамъ любовію и усердіемъ честь имѣю пребыть Моск. д. ак. студ. іеромонахъ Савва“.

3-го апрѣля писалъ я въ Муромъ своему благопріятелю А. А. Горицкому:

„Въ письмѣ вашемъ отъ 17 апрѣля прошедшаго года выражена такая мысль, что для васъ не столько пріятны мои привѣтствія, сколько чистосердечная откровенность от-

носительно моихъ нуждъ и недостатковъ. Основываясь на 1849 1
семь, не обинуясь открываю вамъ, что я терплю теперь
совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Итакъ, если оказы-
вать благодѣянія ближнему составляетъ для васъ удоволь-
ствие; то прошу васъ, не откажите себѣ на сей разъ въ
этомъ удовольствіи, — благоволите по прежнему удовлетво-
рить моей настоящей нуждѣ. И будьте увѣрены, что благо-
дѣяніе въ такомъ видѣ, въ какомъ вы оказываете, имѣетъ
сугубую цѣну не только предъ очами небснаго Мздовоз-
дателя, но и предъ лицомъ благодѣтельствуемаго вами.
Впрочемъ, изъяснять подробно тѣ чувства признательности,
съ какими всегда я припималъ и буду принимать ваши благо-
дѣянія, было-бы излишне: глубокія и искреннія чувства
чаще любятъ таиться въ глубинѣ сердца, чѣмъ выражаться
многословіемъ.

Кромѣ денежнаго оскудѣнія, всѣ прочія обстоятельства
мои, слава Богу, благополучны. Чѣмъ болѣе живу въ ака-
деміи, тѣмъ болѣе чувствую себя свободнымъ, особенно
съ тѣхъ поръ, какъ принялъ на себя иноческій санъ. Пока
былъ священникомъ, мои мысли все еще какъ-то двоились,
мое положеніе все было еще неопредѣленно; а теперь —
совсѣмъ иное дѣло: теперь уже я сталъ какъ-бы свой че-
ловѣкъ, особенно въ кругу монашествующихъ.

Науками занимаюсь по прежнему столько, сколько по-
зволяютъ силы. Отправляясь въ академію, я думалъ, что
и на одинъ годъ не станеть моихъ силъ: но вотъ, по ми-
лости Божіей, и третій годъ уже на исходѣ, и я не только
не чувствую изнеможенія въ силахъ, но напротивъ, какъ
будто еще нѣсколько укрѣпился въ своемъ здоровьѣ. При
всѣхъ утомительныхъ, повидимому, занятіяхъ науками,
жизнь въ академіи много спокойнѣе въ сравненіи съ жизнію
мірскою.

Я не назначаю количества потребной для меня суммы
денегъ, съ одной стороны, потому, что не могу заранѣе
опредѣлить въ точности всѣхъ имѣющихъ случиться потреб-
ностей, а съ другой — потому, что боюсь ограничить вашу
щедрость. Скажу только, что всякое, малое или великое
одолженіе, при настоящемъ моемъ оскудѣніи, равно будетъ
обязательно для меня“.

1849 г. А 5-го ч. писалъ мнѣ изъ Муромъ шуринаъ С. В. Царевскій:

„Поздравляемъ васъ съ прошедшимъ днемъ мірскаго вашего ангела и съ настоящимъ торжествомъ Воскресенія Христова. Да исполнитъ Господь сердце ваше той духовной радости, которая при семъ праздникѣ раждается въ душахъ всѣхъ вѣрующихъ, и которая особенно ощутительна въ сердцахъ отрѣшенныхъ отъ міра!

Отъ души благодарю за ваше послѣднее, дружественно-пазидательное письмо. Совѣты ваши такъ мнѣ по сердцу, что я вопреки имъ никогда не поступлю; особенно-же въ случаѣ избранія рода жизни.

Письмо ваше ко мнѣ начинается такъ: „если нѣтъ у меня рѣшительной наклонности снова вступить на поприще науки, то надобно избирать уже другой какой-ниб. путь“. Желалъ-бы, очень желалъ, еще образовать себя въ академіи, — но не поздно-ли уже объ этомъ думать. Можете ли вы подать *и чрезъ два года* такую же помощь мнѣ при вступленіи въ академію, какую обѣщали предъ окончаніемъ нашего курса? Если-бы такъ, я съ своей стороны не сталъ-бы медлить въ приготовленіи себя къ вступленію на путь учепости. Спросите, отъ чего такой вопросъ родился?

Александръ Ивановичъ съ Катинькой, прѣхавши отъ васъ, сказали, что напрасно я пропустилъ случай въ прошедшемъ сентябрѣ вступить въ академію:—что, по вашему мнѣнію, чрезъ два года трудно будетъ это сдѣлать и лучше искать какого-нибудь мѣста священническаго, или вступить, смотря по расположенію, въ статскую службу. Отъ чего-же эта трудность предвидится; отъ того-ли, что вы, окончивъ курсъ академіи, менѣе будете имѣть возможности вспомоцествовать мнѣ при вступленіи въ оную? По ихъ мнѣнію такъ! А мнѣ кажется, вы не то вовсе имъ сказали, а только,— что въ прошедшемъ году легко можно было поступить въ академію по принципѣ малаго числа явившихся къ экзамену студентовъ, или не такъ я думаю?

Касательно священническаго сана, спрошу васъ, какъ узнать способенъ-ли я принять оный? Говорятъ надобно судить по расположенію души и внутреннему влеченію, — но я не замѣчаю особенной наклонности ни къ какой должности. Воля моя теперъ такъ настроена, что я готовъ быть